

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДИСПУТ*

В средневековом научно-образовательном сообществе центральным способом обучения, образования, научной деятельности был диспут. Произнесение речи, состоящей из тезиса, ответа, аргументов, а также участие в диспутах — необходимый структурный элемент этого элитарного сообщества. Диспут служил дидактическим, педагогическим¹, эвристическим и квалификационным средством² и одновременно выступал как одно из излюбленных развлечений ученой элиты. Вместе с тем соревновательная, эвристическая и коммуникационная стороны диспута были основополагающими факторами единства средневекового научно-образовательного пространства³. В процессе диспута стирались социально-иерархические границы внутри научно-образовательного сообщества, и участие в этой коммуникативной процедуре могло в одночасье вознести или низложить участника. Рациональная основа средневековых диспутов, их строгий процедурный регламент есть выражение сути самого средневекового научно-образовательного пространства, в котором главная доблесть — разум, высшая добродетель — знание авторитета, наиболее ценный навык — умение дать многосмысленное толкование одного и того же текста, выявляемые в диспуте. Значительное количество средневековых трактатов по философии и логике, дошедших до наших дней, написано в форме диспутов. Таковы «Да и нет» Пьера Абеляра, «Сентенции» Петра Ломбардского, «Сумма теологии» Фомы Аквинского, «Упоря-

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, грант № 06-03-00497а.

¹ В том числе и воспитательным. См.: Жильсон Э. Философия в Средние века. М., 2003. С. 176–177.

² См.: Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Екатеринбург, 2000. С. 126.

³ Роль диспута тесно связана с пониманием роли ученого в Средние века. Существует три подхода по данному вопросу. Средневековый ученый как (1) новый тип городского жителя, магистра разума в поисках научных истины, преимущественно светских (Lohr C. H. The medieval interpretation of Aristotle // The Cambridge History of Later Medieval Philosophy / Ed. by N. Kretzmann, A. Kenny, J. Pinborg. Cambridge, 1986. P. 81–98; Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 74; (2) магистр разума и веры, создатель рациональной гармонии между христианским вероучением и аристотелизмом (Marenbon J. Later Medieval Philosophy (1150–1350). An Introduction. London, 1987. С. 83–90; (3) христианский философ (Жильсон Э. Указ. соч. С. 192).

© Е. Н. Лисанюк, 2006

дочение (*ordinatio*)» Дунса Скотта, «Избранные диспуты» Уильяма Оккама и др. Некоторые средневековые трактаты, написанные в форме диспутов, являются отредактированными вариантами реальных диспутов. Таким образом, элитарное образованное меньшинство Средних веков — это диспутирующее меньшинство.

Диспут как центральная академическая методика Средневековья, несмотря на свои различные формы, выражал рациональные основания организации научно-образовательного сообщества. Как таковой он пережил многочисленные структурные, национальные, административные и пр. преобразования в академических сферах разных стран нашей планеты. По сей день этот способ общения, оценки, продвижения от известного к неизвестному является краеугольным камнем в науке и образовании. Трудно представить себе научное открытие без доклада на конференции и последующей дискуссии, как невозможно представить современную школу без традиционного урока-обсуждения или университет без семинара и коллоквиума.

Вместе с тем технологии диспута сегодня оказались востребованными не только в академической сфере. О всевозрастающей важности аргументационных практик свидетельствуют и стремительный рост транснациональных компаний, и развитие международного сотрудничества в глобальных масштабах, а также широкая ориентация на демократические процессы с парламентскими дебатами, политической риторикой и пр.

В Средневековье существовало несколько видов диспутов. Диспуты как основная форма коммуникации между членами ученого сообщества происходили в разных организациях, университетах и школах, судах и ратушах. Соответственно характер, задачи, структура и спектр участников были различными. Ограничимся рассмотрением диспутов на факультетах теологии и искусств.

На факультете теологии основными видами диспутов были академические, специальные и обычные. *Академические* диспуты проходили несколько раз в году иногда еженедельно. Записи о таких диспутах дошли до нас под названием «Обсужденные вопросы» (*quaestiones disputatae*). Профессор, проводивший очередной диспут, заранее объявлял время и тему, и все бакалавры обязаны были прийти, приглашались также другие магистры со своими учениками. Как правило, тема диспута была достаточно широкой и одновременно актуальной, имевшей резонанс в кулуарах. Например, в конце XIII — начале XIV в. среди тем академических диспутов

были: как может Бог знать единичные сущности; можно ли одно и то же знать с очевидностью посредством доказательства и посредством опыта; можно ли иметь несколько истинных представлений о Боге⁴.

Академические диспуты обычно проходили в два этапа. На первом этапе диспут продолжался несколько часов в первой половине дня. Ведущий диспут профессор обращался к аудитории и участником с кратким введением, в котором обозначал цель диспута (учебная, квалификационная и т. п.) и тему. Затем он назначал одного из бакалавров слушать и отвечать на выдвигаемые слушателями аудитории аргументы, иногда профессор помогал ему в этом, секретарь вел запись. На втором этапе диспута (*determinatio*), проходившем обычно на другой день, профессор подводил итоги обсуждения, рассматривал выдвинутые за и против аргументы, давал свое решение по заданной теме. Информацию о прошедшем академическом диспуте можно было почерпнуть из опубликованной записи секретаря (*reportatio*). Часто профессор, проводивший диспут, сам редактировал и дополнял эту запись (*ordinatio*). Ближайший современный аналог академического диспута — защиты курсовых, дипломных, отчасти диссертационных работ. По-видимому, традиция академических диспутов оказала влияние также на развитие таких современных форм профессиональной коммуникации, как теоретические семинары, симпозиумы и т. п.

Наряду с академическими диспутами на факультетах теологии дважды в год, на Рождество и на Пасху, проходили *специальные диспуты* (*de quodlibet*). Их отличительными чертами были более широкая аудитория и менее жесткий регламент проведения. Обсуждались любые вопросы, причем они могли быть инициированы любым из слушателей (*a quodlibet*). В последнем случае ответ должен был быть дан отвечающим бакалавром или магистром сразу. Традиционно для участия в специальном диспуте приходили магистры и бакалавры из других университетов. Участие в специальных диспутах учеников (бакалавров) весьма приветствовалось, хотя и не было строго обязательным, как в академических. По способу проведения специальные диспуты похожи на современные летние школы.

Наименее официальный характер носили обычные диспуты,

⁴См.: *Оккам У. Избранные диспуты // Антология средневековой мысли. Т. 2. СПб., 2002. С. 323–341.*

проходившие несколько раз в год. Обычный диспут — это учебный диспут, семинар на заданную тему: о потенции, о зле, об истине и т. п.

Особняком стоял *диспут-занятие* (exercitio), состоявший в чтении учителем вопросов, аргументов и ответов (quaestiones), иногда написанных не им самим, а кем-либо другим. Современные исследователи отмечают, что до сих пор достоверно неизвестно, действительно ли они проходили в форме диспута или более напоминали лекцию.

Диспуты на факультете искусств также были обычным делом. Основное различие между диспутами на факультете искусств и факультете теологии — следствие различного статуса самих факультетов⁵. Отсюда и разная тематика, и особенности регламента. Так, обсуждение теологической проблематики на факультете искусств категорически не допускалось.

Посещение диспутов и участие в них на факультете искусств было обязательным для соискателей степени. Некоторые диспуты были тесно связаны с обычными лекциями и более походили на семинары (обычные диспуты), другие, более неформальные, назывались софизматами (sophismata). Последние — актуализация весьма популярного в Средние века жанра исследования — софизматики. Софизматика есть теоретико-прикладной жанр с элементами коммуникативных практик. В центре стоит разбор софизма — логической, грамматической, лингвистической задачи или загадки, представляющей или иллюстрирующей сложный прием, пассаж в рассуждении, понятие или проблему. Спектр методик для ее решения практически ничем не ограничивался, включая в себя логический и риторический аппарат, элементы грамматики, лингвистики, натурфилософии, физики и т. д. Подчас решение задачи из двух строк обсуждалось неделями и составляло десятки страниц в записанном виде.

Во время такого диспута одновременно ставилось от одной до четырех проблем, необязательно связанных между собой единой тематикой. В ходе диспута выдвигалось по несколько аргументов за и против для каждой из поставленных проблем. Далее следовало краткое решение отвечающего, а затем выдвигались новые

⁵См.: *Marenbon J. The theoretical and practical autonomy of philosophy as a discipline in the Middle ages: 1250–1350 // The Proceedings of the VIII World Congress of Medieval Philosophy / Ed. by S. Knuutila, R. Työrinja et al. Helsinki, 1990. Vol. III. P. 261–274.*

аргументы против его позиции. Этот цикл мог повторяться многократно, причем отвечающий всегда имел право на последнее слово. По ходу диспута отвечающий был вправе как отстаивать свою позицию, так и менять ее. Допускалось участие нескольких отвечающих с противоположными точками зрения. В завершение диспута обязательно следовало окончательно решение проблемы магистром (*determinatio*). По свидетельствам современников, участие в таком диспуте было небезопасным занятием, часто все заканчивалось погасовкой. Быть закиданным горохом и пр. в ходе такого диспута считалось благоприятным исходом, поскольку крупные семена бобовых и других культур использовались для подсчета выдвигаемых и опровергаемых аргументов. Победившая сторона покидала диспут с ужином в кармахах.

До нас дошли некоторые трактаты, написанные в форме софизмат. Большинство из них являются отредактированными записями о проходивших диспутах. Возможно, не все из известных современному исследователю софизмат имеют под собой реальные события.

Диспут на факультете искусств практиковался и как форма аттестации (вариант экзамена). Так, заключительные экзамены на соискание звания предполагали участие соискателя (экзаменуемого) в формальном диспуте, где он должен был показать свою способность выполнять одну из главных обязанностей магистра — ведение диспута. В начале такого диспута ставился вопрос, предполагавший ответ «да» или «нет». Экзаменующийся или магистр выдвигал несколько аргументов за и против, после чего отвечающий давал краткое решение, сопровождавшееся опровержением аргументов против этого решения. Далее магистр в роли оппонент спорил с решением отвечающего и его опровержениями, а отвечающий защищал свою позицию, выдвигая контраргументы на возражения магистра. Другие магистры также были вправе опровергнуть позицию отвечающего, а отвечающий должен был снова аргументировать свою позицию. В конце соискатель подводил итоги диспут и объяснял свое решение вопроса (*determinatio*).

Особое место в типологии средневекового диспута занимает специальный логический диспут, или игра в предписания (*obligationes*). Долгие годы, вплоть до последней трети XX в., исследователи затруднялись в анализе предписаний. Неясны были цели этой игры, нет вразумительных свидетельств о том, проходили ли такие диспуты на самом деле или это лишь изощренный вариант задачника по логике. Несмотря на значительный прогресс в изучении

предписаний за последние три десятилетия, вопрос о реальности таких игр до сих пор открыт.

О цели и теоретических основаниях средневековой игры в предписании существует множество точек зрения. Исходя из сохранившихся текстов, средневековый логический диспут — это совокупность правил и приемов, обладавшая четкой структурой и особой стилистикой применения, которая во многом идейно была унаследована от аристотелевской «Тоики» через Бозция. Предписание представляет собой разновидность обязательства, накладываемого на респондента при помощи тезиса — *positum*'а, часто ложного на момент начала диспута, но в принципе могущего оказаться истинным (случайно ложного). Респондент в диспуте обязан был принять *positum*, а также следовать истине при оценке выдвигаемых оппонентом предложений. В соответствии с этим основная задача респондента — совместить правила логического вывода с обязательствами принятия ложного *positum*'а.

Средневековый логический диспут как логическая задача воплотил в себе теоретические результаты, полученные в ряде других жанров средневековой логики: в теории логического вывода (силлогистика и теория консеквенций), в теории свойств терминов (логическая семантика или теория суппозиций), в учении о поисках терминов и аргументов для рассуждений (тоика), в учении об ошибках в рассуждениях, в методике постановки и решения логических задач (софизмы и логические парадоксы) и др.

Родоначальник идеи средневекового логического диспута — Аристотель, написавший в «Тоике»: «Что касается того, как отвечать, то прежде всего следует выяснять, что необходимо делать для того, чтобы отвечать надлежащим образом, так же как и спрашивать надлежащим образом. Вопросающий должен так вести речь, чтобы заставить отвечающего говорить самое неправдоподобное, необходимо вытекающее из тезиса. Отвечающий же должен так вести речь, чтобы несообразное или противное общепринятому казалось получающимся не по его вине, а из-за тезиса. А полагать как первое то, что не должно полагать, и защищать положенное не подобающим образом — это, пожалуй, другая ошибка»⁶.

Диалектический диспут, о котором пишет Стагирит в «Тоике», состоял из диалектического вопроса, предполагавшего ответ «да» и «нет», и строился на основе диалектического силлогизма

⁶ Аристотель. Тоика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 516.

или энтимемы. Главным отличием диалектического силлогизма от демонстративного является эпистемологический статус посылок. В диалектическом силлогизме посылки выражают правдоподобное знание, а не необходимое, аподиктическое, как в демонстративном. Классический пример такого диспута — сократический диалог.

Средневековые логики применили идею диалектического диспута к строгим в логическом смысле рассуждениям, полагая, по видимому, что, если бывают, согласно Аристотелю⁷, диспуты диалектические, с целью знания и убеждения, софистические, для завоевания симпатий аудитории, эристические, чтобы одержать победу, почему бы не быть диспуту доказательному. В таком диспуте отвечающему предписывалось считать обсуждаемый *positum* истинным, а далее оценивать выдвигаемые оппонентом предложения согласно правилам логики и в соответствии с принятым тезисом. Именно такие предложения советовал подбирать в качестве посылок доказывающих силлогизмов Стагирит.

В качестве методики такого диспута средневековые магистры выработали систему правил логического вывода для модальных предложений и специальную семантику. Здесь они также во многом полагались на Стагирита, писавшего в «Первой аналитике»: «Под “быть возможным” и “возможным” я разумею то, что не необходимо, но если принять, что оно присуще, то из этого не следует ничего невозможного...»⁸

В современных исследовательских проектах превалирует мнение, согласно которому средневековый логический диспут, игра в предписания — поиск наиболее интересного опровержения выдвинутого тезиса. В этом смысле участники такого диспута были преимущественно нацелены на поиск соответствующих аргументативных ходов, а не на поиск истины⁹. Этот момент роднит логический диспут с эристическим.

Строились предписания следующим образом: спрашивающий, или оппонент, начинает диспут, выдвигая положение, которое респондент обязуется защищать как истинное, независимо от его логического значения. Часто помимо тезиса предлагалось специальное установление (*institutio*), например принять только одно предложение и т. п., которое также необходимо было неукоснительно

⁷ Аристотель. О софистических опровержениях // Там же. С. 535–537.

⁸ Аристотель. Первая Аналитика // Там же. С. 142.

⁹ Medieval Formal Logic / Ed. by M. Yrjonsuuri. Kluwer, 2001. P. 5.

соблюдать. Различали несколько видов выдвигаемых предписаний: защищать тезис как истинный, если он ложный (*positio*), или как ложный, если он истинный (*depositio*), или как предложение с неизвестным логическим значением (*dubitatio*). Специальные предписания подразделялись на *institutio*, когда налагались условия, например, что респондент находится в Риме, и *petitio*, особые условия ведения самого диспута. Наиболее часто *positio* принималось как возможное, реже — как невозможное. Если первое, то оно не должно было привести к противоречию. Помимо тезиса, определявшего тип диспута, часто в структуре присутствовал еще один важный элемент — *casus*, или особый случай. Казус есть внелогическое дополнительное обязательство в конкретном диспуте и, как правило, касается вещей, представляя собой ограничение семантического поля диспута, в отличие от тезиса, который всегда относится к логическим элементам — предложениям, особым обязательствам и соответственно представляет собой ограничение синтаксического поля. Например, в качестве казуса предложение «ты мертв» не может быть принято, потому что оно сделало бы физически невозможным проведение диспута, однако в качестве тезиса (*position*) — вполне.

После выдвижения начального положения, принятого респондентом как истинное, оппонент предлагал другие положения, каждое из которых респондент должен был принять или отвергнуть или отнести к сомнительным — с неясным логическим значением на основе трех правил:

(A1) Если предложенное положение следует из (а) первоначального предложения, (в) ранее принятого предложения или (с) является противоположным ранее отвергнутому в качестве ложного, или конъюнкции каких-либо из этих, то данное положение должно быть принято;

(A2) Если предложенное положение несовместимо с (а), (в) или (с) или их конъюнкцией, то оно должно быть отвергнуто.

(A3) Если предложенное положение не следует из предыдущих и не является несовместимым с тем, что респондент принял ранее, оно считается нерелевантным; такое предложение принимается или отвергается на основе своего логического значения¹⁰.

¹⁰ *Burley W. Obligations (selections). Transl // The Cambridge Translations of Mediaeval Philosophical Texts / Ed. by N. Kretzmann, E. Stump. Cambridge, 1988. P. 381.*

Цель трактатов о предписаниях — научить оппонента расставлять «ловушки»-противоречия, а респондента — избегать таких противоречий; это не перечень советов, не исследование ситуаций — парадоксов диспута, когда ничего опасного не предвещающий обмен предложениями оппонента и респондента приводит к тому, что и принятие, и отрицание одного и того же предложения приводят респондента в противоречие с ранее принятым.

Основные принципы предписаний:

1. Принятие случайно ложного предложения, т. е. такого, которое не содержит в себе логического противоречия и не составляет противоречия с ранее принятыми предложениями, или такого, что при других обстоятельствах могло бы быть истинным;

2. Респондент должен следовать, насколько возможно, истине в части иррелевантных предложений, т. е. непосредственно не связанных отношениями выводимости в рамках данного диспута;

3. Следует внимательно отслеживать предложения, выдвигаемые оппонентом, на предмет скрытых противоречий, т. к. наиболее интересным моментом становится решение проблемы противоположности между предписанием, накладываемым *positio*, и специальными предписаниями сделанных респондентом шагов.

4. Синтаксическая корректность (непротиворечивость правил) — не существует такой ситуации, чтобы все допустимые шаги были одновременно недопустимыми;

5. Семантическая последовательность — правила сами по себе не могут вынуждать респондента принять противоречие;

6. Присутствие определенного синтаксического пространства для маневра — в процессе диспута респондент не может быть вынужден принять ложное, согласно данной модели диспута, предложение.

Техника диспутов-предписаний представлена как вполне устоявшаяся традиция уже в трактатах начала XIII в. Например, в Эммерапских трактатах¹¹ обсуждение правил и особенностей реакций респондента происходит на достаточно высоком теоретическом уровне. Приблизительно на том же уровне развития данная теория предстает в трактате Уолтера Бурлея¹², который считается

¹¹ *Rijk L.M. de.* 1) Some Thirteenth Century Tracts on the Game of Obligation I // *Vivarium*. 1974. N 12. P. 94–123; 2) Some Thirteenth Century Tracts on the Game of Obligation II // *Vivarium*. 1975. N 13. P. 22–54. Имеется перевод на англ. яз.: *Medial Formal Logic*. P. 199–215, 217–223.

¹² *Burley W.* *Obligations (selections)*. P. 369–412.

стандартным экземпляром данного жанра и датируется 1302 г. Современные исследователи полагают, что в начале XIII в. логический диспут, или игра в предписания, уже был известным жанром логики. К концу XIII в. техника предписаний используется как инструмент не только в логическом диспуте, но и в тринитарном¹³.

В трактате У. Бурлея перечислены все шесть типов диспутов, однако подробно он рассматривает только установление (*institutio*) и позицию (*positio*). Помимо правил для принятия предложений оппонента (A1-A3), Бурлей приводит правила для непринятия (O1-O3) и квалификации иррелевантных предложений (I1):

(O1) Всякое предложение, несовместимое с тезисом (*positum*), должно быть отвергнуто;

(O2) Всякое предложение, несовместимое с конъюнкцией тезиса и ранее принятого предложения, должно быть отвергнуто;

(O3) Всякое предложение, несовместимое с конъюнкцией тезиса и предложения, противоположно ранее отвергнутому или известному в качестве такового¹⁴.

Если предложение не может быть принято или отвергнуто согласно правилам (A1-A3) и (O1-O3), респонденту следует оценить его на основе его логического значения.

(I1) Если оно истинное или известно как таковое, его нужно принять;

(I2) Если оно ложное или известно как таковое, его нужно отвергнуть;

(I3) Если его логическое значение определить затруднительно, следует считать его сомнительным¹⁵.

Квалификация предложения как иррелевантного во многих диспутах Бурлея описана как ответственный шаг. Если респондент не заметил существенных с точки зрения логики отношений, скрытых в выдвинутом предложении, и оценил его как иррелевантное, в дальнейшем он придет к противоречию¹⁶:

¹³См.: *Knuutila S. Positio impossibilis in Medieval Discussions of the Trinity // Vestigia, Imagines, Verba. Semiotics and Logic in Medieval Theological Texts / Ed. by S. Marmo. Turnhout; Brepols, 1992. P. 277-288.*

¹⁴В некоторых случаях оппонент выдвигает конъюнкцию или дизъюнкцию предложений, одно из которых, если бы оно было выдвинуто как самостоятельное, было бы отвергнуто респондентом на основе правил (O1-O2).

¹⁵*Burley W. Op. cit. P. 381.*

¹⁶*Ibid. P. 399-400.*

Предложение оппонента	Формально ¹⁷	Респондент	Основание
1. Допустим, что ты умозакрываешь, и ты не знаешь, что ты умозакрываешь, одинаковы	$p \equiv \neg Kp$	Возможно истинное, принято	Positum (тезис)
2. Ты умозакрываешь	p	Отвергнуто	Не следует, ложное
3. Ты не знаешь, что ты умозакрываешь	$\neg Kp$	Отвергнуто	Не следует, ложное
4. Ты знаешь, что ты умозакрываешь	Kp	Принято	Следует из (3) по (A1c)
5. Ты умозакрываешь	p	?	Следует из (3) по (A1в) и противоречит (2)

Бурлей считает, что респонденту следовало принять (2) как следующее из тезиса, но он не заметил отношения следования между (1) и (2).

Кроме общих логических правил ведения диспута, которые существенны для самой процедуры диспута, Бурлей выделяет полезные правила:

1. Необходимо обращать внимание на порядок предложений;
2. Во время предписаний не следует отвечать на теоретические вопросы;
3. За пределами времени диспута необходимо принимать во внимание также и материальные истины (*rei veritas*);
4. Когда возможное предложение было поставлено, невозможное само по себе не следует принимать, необходимое само по себе не следует отвергать;
5. Когда возможное предложение было поставлено, не будет неразумным принять невозможное случайно (*per accidens*);
6. Когда было поставлено случайно ложное, можно доказать любое ложное, возможное с поставленным;
7. Когда было поставлено случайно ложное относительно настоящего, следует отрицать, что это настоящее;
8. Все ответы должны относиться к одному и тому же времени;

¹⁷Используется стандартный формальный язык, см.: Символическая логика / Под ред. Я. А. Слинина и др. СПб., 2005.

9. Когда positum ложный, предложение «positum ложный» можно принять, однако относительно того, что было поставлено, никогда не следует принимать, что оно ложное¹⁸.

Эти правила характеризуют три направления действий респондента в ходе диспута. Правила 2, 3 — практического свойства, 4, 5, 7, 8 относятся к проблемам времени и модальностей, правила 1, 6, 9 касаются того, как в ходе диспута следует обращаться с ложным тезисом, принятым в качестве возможно истинного¹⁹.

Рассмотрим пример, иллюстрирующий применение правил 3 и 2²⁰.

Предложение оппонента	Формально	Респондент	Основание
1. Допустим, Сократ молчит	$\forall x (C(x) \supset M(x)),$ $\neg M = \Gamma$	Возможно истинное, принято	Positum (тезис)
1*. Сократ — единственный, кто говорит	$\forall x (C(x) \supset \neg M(x))$ $\wedge \neg \exists y (C(y) \wedge \Gamma(y))$	Возможно истинное, принято	Casus
2. Некто говорит	$\exists y (C(y) \wedge \Gamma(y))$	Принято	Истинное, иррелевантное
3. Кто этот человек, что говорит?		?	

Предложение (2) иррелевантно, т. к. тезис не влечет ни его, ни его отрицание, и истинно, потому что, согласно казусу, один человек говорит. На вопрос (3), считает Бурлей, респонденту не следует отвечать. Если он ответит, что это Сократ, то получит противоречие с (1), если скажет, что некто, то вынужден будет принять ложное иррелевантное предложение. По-видимому, Бурлей полагает, что в ходе логического диспута респондент может отвечать только на диалектические вопросы, потому что ответ на них означает принятие одного из дизъюнктов строгой дизъюнкции. Отвечая на другие типы вопросов, респондент вынужден будет скрытым образом принять предложение — пресуппозицию вопроса, что далее может привести его к противоречию. Так, в рассмотренном диспуте на шаге (3) респондент, отвечая на вопрос, принимает пресуппозицию «Существует конкретный человек, который говорит» и далее вынужден

¹⁸ *Burley W. Op. cit.* P. 385-397.

¹⁹ *Yrjonsuuri M. Obligationes. Acta Philosophica Fennica. Helsinki, 1994. Vol. 55. P. 55.*

²⁰ *Burley W. Op. cit.* P. 385-386.

будет сказать, кто именно, тогда как на шаге (2) он не принимал на себя обязательства сказать, кто именно. Принимая такое обязательство, респондент неминуемо приходит к противоречию либо с (1), либо с (1*).

Дополнительные правила введены Бурлеем для диспутов, в которых истинный тезис респондент обязан отстаивать как ложный (*depositio*), с тезисом, защищаемым как предложение с неясным логическим значением, а также с конъюнктивным и дизъюнктивным тезисом:

(ДП1) Каждое предложение, являющееся антецедентом к *depositio*, взятое само по себе или вместе с правильно принятым предложением самим по себе, должно быть отвергнуто.

(ДБ1) Следует отвечать «Я сомневаюсь в этом» (а) на любое предложение, могущее быть представленным как *dubitatio*, (в) на противоречие *dubitatio*, (с) на любое предложение, вытекающее из *dubitatio*, если оно ложно, и на любое предложение-антецедент к *dubitatio*, если оно истинно.

(ДЗ1) Дизъюнкция не должна приниматься, если не принят хотя бы один из дизъюнктов.

(ДЗ2) Дизъюнкция не должна приниматься на конкретном шаге n, если на этом же шаге не принимается хотя бы один из дизъюнктов.

(К1) Если конъюнкция не принимается на шаге n, то один или оба конъюнкта не должны приниматься на этом же шаге.

Эти правила, по замыслу Бурлея, должны помочь респонденту точнее распознать логическую структуру тезиса диспута. Рассмотрим такой пример²¹:

Предложение оппонента	Респондент	Основание
1. Пусть А обозначает осла в истинном предложении, человека в ложном предложении и дизъюнкцию «человек или не-человек» в предложении с неясным логическим значением	Возможно истинное, принято	Positum (тезис)
2. Либо ты А, либо нет	Принято	Истинное иррелевантное
3а. Ты есть А	Принято	Истинное, из (2) по (А1а)
4а. Предложение «ты есть А» истинно	?	Истинное, из (3а) по (А1а)

²¹ Burley W. Op. cit. P. 398. На шаге (3) диспута возникают альтернативы, обозначенные строчными буквами.

Предложение оппонента	Респондент	Основание
3б. Ты есть не-А	Принято	Истинное, из (2) по (A1a)
4б. «Ты есть А» ложно	?	Истинное, из (3б) по (A1a)
3в. Ты есть А	Принято	Сомнительное, из (2) по (ДБ1a)
4в. «Ты есть А» такое же, как «человек или не-человек»	Принято	Сомнительное (ДБ1a)
5в. Неясно логическое значение предложения «ты есть человек или не-человек»	?	Истинное, из (1) по (A1a)

Респондент в (2) не учел (ДЗ1-2), ему не следовало принимать (2) как истинное, потому что па самом деле оно сомнительное и следует из (1), которое, в свою очередь, представляет собой дизъюнкцию. Тогда (3а) и (3в) следовало отвергнуть как ложные, (3б) принять как истинное. В этом случае шаги (4в) и (5в) предлагать бессмысленно. Если бы респондент распознал логическую форму тезиса или вспомнил правила для дизъюнкции, исход диспута для него был бы более удачным.

В ряде случаев тезис диспута на поверку оказывается проблематичным, и, если респондент не замечал этого, исход предпрешен:

Предложение Оппонента	Формально	Респондент	Основание
1. Первое предложение диспута запрещено отвергать	Fr_1	Возможно истинное, принято	Positum (тезис)
2. Сократ черный	p	Возможно истинное, принято	Casus
3. Сократ белый	$\neg p$	Принято	Истинное, p_1
4. Сократ черный		?	

Респондент не заметил деонтического противоречия между (1) и (2), которое возникает только в случае, если (3) и (2) составляют противоречие. Ему следовало принять тезис и казус при обязательном условии, что остальные предложения оппонента будут логически совместимы с тем, что он выдвинет в качестве (3).

Таким образом, в предписаниях рассматриваются проблемы логической совместимости с учетом принятия различных с точки зрения логического значения предложений в роли тезиса диспу-

та. Цель предписаний — специальная логическая техника мысленного эксперимента. К. Мартин, один из современных исследователей средневековой логики, полагает, что предыстория этого жанра — разработка невозможных тезисов диспутов²². Так, в трактате «О гипотетических силлогизмах» Северин Боэций ссылается на Эвдема, который различал два вида гипотез: во-первых, когда что-либо, что не может иметь места, допускается, чтобы далее рассмотреть это до своего предела, и, во-вторых, как условное предложение²³. Гипотезы второго вида рассматриваются Боэцием в разделе условных силлогизмов. Второй вид гипотез, полагает К. Мартин, хотя и не исследован Боэцием, по упоминается как изучение логической совместимости теоретически, а не в самих вещах²⁴. Мартин полагает, что в комментариях к Боэцию эти «Эвдемовы гипотезы» позднее получили название *positio impossibilis*.

Positio possibilis как гипотеза для рассмотрения логической совместимости в модусе совозможности используется, в частности, в диалоге Ансельма Кентерберийского «О грамотном»²⁵. В ходе диалога для доказательства того, что «грамотный» не обозначает человека как субстанцию, но лишь указывает на него, Учитель предлагает Ученику предположить, что существует «некое животное разумное — но не человек — знающее грамоту, как человек», и выяснить, что из этого следует логически, если, помимо этого, известно, что под «грамотным» подразумевается человек. В результате рассуждений оба приходят к выводу, что «некоторый не-человек есть человек, что ложно».

Несмотря на текстуальную схожесть этих рассуждений с диспутом *de positio*, вряд ли Ансельм знал о существовании предписаний как особой логической техники, наиболее ранние трактаты этого жанра появились на век позже. Скорее предписания стали развитием обычных способов доказательства с использованием гипотезы.

Таково, к примеру, доказательство от противного, где используется заведомо ложная гипотеза, в результате чего заведомо истинные предложения оказываются ложными, что считается дока-

²² *Christofer M. Obligations and Liars // Sophisms in Medieval Logic and Grammar / Ed. by S. Read. Kluwer, Dordrecht, 1993. P. 357–381.*

²³ *Boethius A. M. S. De hypotheticis syllogismis // Ed. by L. Obertello. Brescia, 1969. P. 212.*

²⁴ *Ibid. P. 214.*

²⁵ *Кентерберийский А. О грамотном // Кентерберийский А. Соч. М., 1995. С. 19–20.*

зательством невозможности принятой гипотезы. Изучить, какие из гипотез являются невозможными абсолютно, т. е. логически, а какие — лишь фактически, можно только через рассмотрение совместимости их следствий. Со времен античности дедуктивный метод использовался не только для верификации, но и для фальсификации гипотез. Противоречивость следствий из гипотезы есть ее фальсификация, а неуспешная фальсификация гипотезы используется как слабая ее верификация. Средневековые логики разработали для этого специальную технику и отдельный жанр, в рамках которого гипотетико-дедуктивный метод предстал не только как собственно метод, но и как цель исследования. В ходе такого исследования гипотезы были классифицированы, исходя из потенциальной совместимости со стандартным положением дел, и выработана особая методика выявления логической совместимости.

Современные исследователи средневековой философии единодушны в том, что важность диспутов в Средние века сложно переоценить. История развития средневекового логического диспута как особого жанра берет свое идейное начало в сочинениях Аристотеля и представляет изучение гипотетико-дедуктивного метода как специальной техники логического диспута.